
Раздел 3

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(37)“491/518”(093.3)

А. С. Козлов

«ВУЗАНТИАКА» МАЛХА ФИЛАДЕЛЬФИЙЦА КАК ИСТОЧНИК: ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АВТОРА

Представленное исследование сосредоточивает внимание на следующих проблемах: авторство «Byzantiaka» как позднеантичного исторического сочинения; социальные взгляды Малха Филадельфийца; подчиненность реалий этого документа как позднеантичного исторического сочинения идейно-политической цели источника.

Ключевые слова: источники; исторические сочинения поздней античности; «Byzantiaka»; Малх Филадельфиец.

В одной из своих последних работ Х.-У. Вимер дал развернутую аргументацию уже не раз отмеченного в специальной литературе факта, что «Byzantiaka» («Византийскую историю» или «Византийские дела») Малха Филадельфийца следует оценивать в контексте обстоятельств прихода к власти императора Анастасия I и отношения последнего к основным направлениям политики его предшественника, императора Зинона [см.: Wiermer, S. 31 u. folg.].

Действительно, свой труд Малх написал, скорее всего, при Анастасии, хотя точную датировку на этот счет дать невозможно. Согласно известному пассажиру «Суды», произведение охватывало период от Константина I до Анастасия. Можно полагать, что историк начал свою работу

еще при императоре Зиноне [см.: Baldwin, p. 91], но так как обнаружение ее в то время было бы опасно, то состоялось оно наверняка позже. В связи с подобной проблемой нельзя не вспомнить, что К. Мартин как-то указал на упоминание историком «длинной стены» как на термин-анахронизм, обозначающий Длинные стены Константинополя [Martin, S. 11], которые, по его мнению, были воздвигнуты только при Анастасии. Этот тезис, мягко говоря, некорректен, так как Длинные стены существовали уже задолго до Анастасия [см.: Whitby, p. 560—583]¹. Поэтому использование «длинной стены» в качестве *terminus post quem* для труда Малха непродуктивно [ср.: Laqueur, Sp. 851; Blockley, p. 72; Cresci (далее — Malch.), p. 22]. Если доверять сообщению «Суды», сочинение Малха начиналось с описания основания Константинополя и заканчивалось констатацией вступления во власть Анастасия.

Состояние дошедших до нас отрывков из «Истории» Малха и ее краткого изложения таково, что нельзя с уверенностью судить о композиции, объеме и отдельных частях сочинения. Очевидно, труд Малха мало читали, и в середине IX в. от него сохранились только начало и финал порядком деформированного списка — во всяком случае, тот экземпляр рукописи, откуда делал выписки любознательный патриарх Фотий, содержал лишь описания событий 473—480 гг. Седьмая книга «Истории» кончалась, согласно Фотию, рассказом о смерти Юлия Непота. Именно из характера финала седьмой книги Фотий сделал вывод, что автор «продолжал бы свои произведения, если бы жизнь его продлилась». Первая из находящихся в руках Фотия книг сочинения Малха, скорее всего, начиналась без какого-либо введения или зачина, т. к. патриарх высказывает мнение, что семи наличествующим книгам явно предшествовали другие [см.: Bibliothèque, Cod. 78].

При Константине VII Багрянородном, как известно, комиссии, которым было поручено сделать извлечения-эксцерпты из наличествующих грекоязычных исторических сочинений, также не смогли обнаружить неповрежденного экземпляра работы Филадельфийца, и все, что они смогли сделать, это поработать над тем же материалом, который был в распоряжении Фотия. Видимо, тогда, когда деформированный экземпляр был обработан, сам оригинал оказался утерянным навсегда [см.: Wiemer, S. 32].

Скорее всего, именно такого рода сокращенная версия «Истории» использовалась Иоанном Зонарой при описании пожара в Константино-

¹ В данной работе Л. Уитби возражает против датировки Б. Кроука [см.: Croke, p. 59—78].

поле в 477 г. [см.: Ioannis Zonarae, p. 256.27—257.3]. Кроме того, в схолиях к «Церковной истории» Евагрия указывается на то, что Малх описал воцарение Маркиана, но такое указание отнюдь не свидетельствует об использовании автором схолии нередуцированного труда Филадельфийца². И, наконец, содержащееся у Кедрина описание смерти императора Льва [см.: Georgius Cedrinus, p. 614.14 sq.] также могло восходить к тому экземпляру рукописи, которая находилась в руках Фотия.

Иными словами, труд Малха может отчасти реконструироваться только с использованием дошедших от него эксцерптов, цитат и парафраз. Однако здесь возникает ряд серьезных затруднений, и, прежде всего, то обстоятельство, что дошедшие до нас извлечения подбирались по особым критериям и явно нетипичны для характера «Byzantiaka» в целом. Как известно, сохранились лишь немногие разделы из энциклопедии Константина VII [см.: Büttner-Wobst, S. 88—120; Schreiner, S. 1—29], и описания посольств среди фрагментов сочинения Малха в этом компендиуме решительно преобладают. Содержательно почти все эти эксцерпты посвящены описаниям посольств от римлян к варварам и от варваров к римлянам, и прежде всего контактам между императорами Львом I и Зиномом, с одной стороны, и двумя Теодорихами, Амалом и Страбоном — с другой. Другая проблема заключается в том, что все подобные эксцерпты взяты из деформированной версии «Byzantiaka», а потому от значительной части этого сочинения не осталось ничего ни в энциклопедии Константина VII, из которой черпала «Суда»³, ни в «Библиотеке» Фотия.

Тем не менее можно попытаться выявить некоторые принципы историописательской манеры Малха. С одной стороны, некоторые из дошедших фрагментов «Byzantiaka» довольно длинны; самый объемный из них в издании Л. Р. Кресчи насчитывает 320 строк. С другой — эксцерпты Константина VII, посвященные дипломатии, отношениям между Константинополем и готами, в известной степени дополняются данными «Суды», посвященными внутренним делам империи и с огромной долей вероятности восходящими к Малху. Правда, здесь следует оговориться, что в «Суде» лишь одна цитата упоминает имя Малха, и поэтому в определении авторства ряда анонимных фрагментов Р. Блокли в своем издании «Byzantiaka» гораздо осторожнее, нежели Кресчи⁴. Но поскольку компилятор

² См.: The Ecclesiastical (далее — Euagr.). P. 123.5; Sch. 244. О трактовках прихода Маркиана к власти см.: Burgess, S. 47—68.

³ Аргументацию по данному поводу см.: de Boor, 1912. Bd. 21, S. 38; 1914, Bd. 23, S. 1—127].

⁴ О проблеме авторства анонимных фрагментов см.: Baldwin, p. 98—101; Cresci, p. 56—58.

«Суды» свое знание об историописателях черпал из константиновой энциклопедии, то предположение, что информация этого компилятора о правлениях Льва I и Зинона восходит преимущественно к Малху, весьма весомо, ибо в противоположность к другим историческим трудам, освещающим это время, «*Byzantiaka*» активно использовались составителями энциклопедии и цитировались (с упоминанием имени автора) «Судой». Тем не менее безупречным этот аргумент не является. Ибо до нас дошла только незначительная часть труда Константина VII, а «Суда» использовала лишь некоторую часть его утраченных разделов. Например, согласно Фотию, в таком же ключе «Судой» был использован один из фрагментов Кандида Исавра [см.: *Candidi*, p. 445.18 sq.]. То, что «Суда», не называя источника, сообщает об исавре Индаке, восходит, как указал еще Т. Моммзен [см.: *Mommsen*, S. 715. Anm. 1], к тому же тексту, которым воспользовался на данный счет и Иоанн Антиохийский [см.: *Ioannis Antiocheni* (далее — *Joh. Ant.*). Fr. 306]. Оба этих фрагмента из «Суды» восходят, скорее всего, не непосредственно к Кандиду, а переданы несохранившейся частью труда Иоанна Антиохийского [см.: *Roberto*, p. 712—713].

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов предположение, что Малх довольно кратко описал период до воцарения Зинона, а потому часть утраченного текста, скорее всего, выполняла функции вводных разделов. В кратком перечислении содержания своего текста «Суда» называет лишь время правления Зинона. К тому же сам автор «*Byzantiaka*», возможно, пытался приспособить свой текст под текст Прииска Панийского, доводящего рассказ до смерти императора Льва I⁵.

Таким образом, для исследования особенностей труда Малха как источника, носителя очень специфической информации о правлении Льва I и Зинона, крайне актуально выявить принципы, которым автор следовал, оценивая действия этих императоров, и историописательные формы, используемые им для изображения событий. Это тем более важно, потому что для Малха, как и для всех его современников, была аксиомой ответственность императоров за благо государства и подданных.

Нетрудно заметить, что подобная проблематика в известной мере касается уже давно постулируемого в византиноведении вопроса о *Kaiserkritik* (в соответствии с терминологией, заданной немецкими коллегами и прочно утвердившейся в историографии). Как известно, понятие *Kaiserkritik* было предложено Б. Рубиным, понимающим под этим явлением работающее с соответствующими литературными топосами выражение

⁵ Более подробный разбор различных вариантов соотнесения сведений «Суды» со сведениями Фотия см.: *Baldwin*, p. 96—98.

сенатской (синклитской) оппозиции по отношению к императорской власти [см.: Rubin, S. 234—244]. Ф. Тиннефельд на это обоснованно возразил, что в адрес правящего императора в Византии имела место только единичная критика (но в целом исследователь удовлетворился тем, что собрал и сравнил критические высказывания по отношению к василевсам, содержащиеся в византийском историописании, не анализируя базовые категории таких высказываний) [см.: Tinnefeld]. В полной мере объем и сложность подобной темы продемонстрировала только Э. Камерон, в том числе на примере источников, дающих представление о правлении Юстина II [см.: Cameron, p. 1—17]⁶. Что касается Малха, то еще тот же Рубин осторожно подчеркнул необходимость исходить из незначительности материала, оставшегося от сочинения Филадельфийца и позволяющего говорить лишь о положительной оценке, даваемой автором константинопольскому сенату [см.: Rubin, S. 239].

Где-то в утраченной части произведения Малха автор указывал о своем происхождении из Филадельфии, что в провинции Аравия, иначе говоря, из Аммана (Иордания). Это вытекает и из конспекта Фотия (Cod. 78), и из соответствующего подзаголовка — «из истории Малха, ратора из Филадельфии» — в «Excerpta de legationibus gentium» Константина VII. Так как имя историка семитское, то вряд ли в данном случае можно предполагать Филадельфию лидийскую или исаврийскую. В дошедших фрагментах «Истории» почти ничего не указывает на чувства привязанности автора к этому региону, на какое-то особое место последнего в описываемых сюжетах. Можно лишь предполагать, как отмечает Вимер, что Малх потому так подробно рассказывает историю шейха Имру' ал-Кайса (назначенного Львом I филархом арабов⁷ в провинциях *Palestina Tertia* и *Arabia (kata Petrian)*), что сам имел корни в этом регионе [см.: Wiemer, S. 35]. Но нельзя не учитывать, что внимание современников к арабской границе могло обуславливаться успехами империи в данном направлении, к прославлению которых Анастасий относился весьма ревниво [см. об этом: Capizzi, p. 174—179; Shahíd, p. 121—123; Haarer, p. 29—47].

⁶ Определенная ограниченность наблюдений Ф. Тиннефельда и некоторые неточности в его оценках и характеристиках (применительно к авторам эпохи иконоборчества) выявлена также И. С. Чичуровым. См. его рецензию на книгу западногерманского исследователя [см.: Чичуров, с. 258—259].

⁷ Н. В. Пигулевская полагала, что с сообщаемое Малхом имя этого шейха Аморкес являлось передачей арабского имени Амрулькайс [см.: Пигулевская, с. 51]. И. Шахид предположил, что подлинным именем Аморкеса было 'Amr ibn-Kays [см.: Shahíd, p. 61—63]. Р. Парэ полагал, что «филархом» в раннесредневековой византийской исторической литературе называли только глав или вождей кочевых и полукочевых племен [см.: Paret, p. 253].

Весьма значимый для торговли с Индией остров Йотабе, владельцем которого при Льва I стал Имру' ал-Кайс, с 498 г. снова перешел к Византии [см.: Theophanis, a. m. 5990]⁸. Поэтому жесткая критика Малхом уступок арабскому шейху со стороны Льва I объективно становилась похвалой Анастасию. Согласно «Byzantiaka», во время посещения Аморкесом Константинополя он пользовался исключительным вниманием Льва, получил сан патрикия (что «было всего постыднее для римлян») и подарки, хотя и не собирался «приносить пользу тем, кем был принят так благосклонно» [Malch., fr. 1].

Хотя Малх, названный в «Суде» «византийцем», описывает историю своего времени с «константинополецентристских» позиций, однако же столицу на Босфоре он именует архаичным термином Византий, Византия. Иногда он называет его просто «городом» [Malch., fr. 6, 19]. Когда Теодорих Страбон подходит к Константинополю, то для Малха это нападение на «город», а когда Теодорих отходит, то тем самым «город» избавляется от большой опасности. Если бы гот вошел в него, то исагры предали бы «город» огню [Malch., fr. 19]. Теодориху Амалу историк приписывает пожелание быть принятым «в городе», чтобы жить там, как подобает римлянину [Malch., fr. 18]. Бросается в глаза, что подобное значение термина «город» подчинено оппозиции «снаружи (вовне) — внутри». Наиболее выразительна она в рассказе о том, что когда Зинов ждал известий «извне», то были пойманы люди, которые хотели информировать Теодориха Страбона о происходящем «в Византии», иначе говоря, в Константинополе [Malch., fr. 11].

Впечатление, что Малх смотрит на все описываемое глазами жителя столицы, усиливается через констатацию множества посольств, о которых он говорит в своем труде. За немногими исключениями именно Константинополь — место, откуда они уходят и куда они направляются. Нельзя не учитывать и того, что историк очень хорошо представляет то, что происходит внутри столичных стен, зачастую с точным указанием городской топографии. Так, он со знанием дела описывает большой пожар, обративший в пепел Царские врата вместе с библиотекой и дворец Лавза. Малху знакомы в данном случае даже детали, ибо он пишет о гибели во дворце Лавза некоего списка Гомера и известного собрания статуй [см.: Mango, Vickers, Francis, p. 89—98].

Название труда «Византийская история», или «Византийские дела», таким образом, обладает определенной программной нагрузкой.

⁸ Общую картину укрощения «варваров-скенитов», ограбивших «Месопотамию, две Финикии и Палестину» см.: Eustathii, p. 142; Euagr., III, 36.

Фотий и статья из «Суды» единодушно называют Малха софистом. В заголовке к соответствующей группе разделов *Excerpta de legationibus gentium* он именуется ритором, что в известной степени то же самое. Можно полагать, что судьба интеллектуалов в империи была нашему историку небезразлична. Он не только упоминает изгнание Львом I грамматика Гиперехия, но и тут же сообщает анекдот о назначении жалования философу Евлогию, которое один из евнухов предложил истратить на солдат; по Малху, император заявил, что было бы хорошо, если бы при нем жалование воинов было даваемо ученым [Malch., fr. 2a]. О префекте претория Лауренции историк говорит, что тот прежде обладал первым рангом среди адвокатов, которые вели свои дела на большой агоре [Malch., fr. 7b]. Прямо-таки сословно-чиновный интерес к вопросам о чинах и жаловании очень нагляден в подробном рассказе об интеллектуале, приверженце «эллинской мудрости» Пампрепии, который, прибыв в Византию, не только получил оплачиваемую должность, но и попал в милость магистру войск Иллу, который платил ему и своими личными и казенными деньгами [Malch., fr. 20]. Филадельфиец с большой симпатией описывает судьбу Пампрепии, участвовавшего в мятеже Илла против Зинона и разделившего участь своего покровителя [см.: Kaster, p. 329—332], называет его хорошим и справедливым человеком, который заслужил скверную славу только потому, что не скрывал своего языческого образа мыслей перед христианским населением столицы. В рассказе о Пампрепии присутствует и попутное высказывание о философе Прокле, к которому прилагается эпитет «великий». Все это не означает, что сам Малх был язычником; Лакве, Блокли и Кресчи считают его христианином, а Болдуин четкой позиции на сей счет не выражает [см.: Laqueur, Sp. 856; Blockley, p. 77; Cresci, p. 22—24; Baldwin, p. 94—96]. Для З. В. Удальцовой позитивного отношения Малха к Пампрепию достаточно, чтобы заявить, что историк не был открытым язычником, но язычеству сочувствовал [см.: Удальцова, с. 143]. Фотий, который знал труд Малха больше, чем мы, выразился недвусмысленно: «По вере он не был вне христианского общества» (Cod. 78). Те места из «Byzantiaka», которые хоть как-то касаются христианства, для решения подобного вопроса мало что дают, т. к. стилевое дистанцирование от христианских языковых оборотов и терминологии в то время было требованием классической словесности. Малх пишет, например, что Лев I пожаловал Аморкесу сан патрикия «под предлогом, будто тот склонился на принятие христианской веры» [Malch., fr. 1]. В рассказе о попытках Василиска изгнать из столицы патриарха Акакия говорится, что это было пресечено «так называемыми монахами» [Malch., fr. 7]. Женский монастырь именуется «сообществом добродетельных»,

а епископ Фессалоники — «архиереем», некий готский пресвитер — «священником, которого христиане называют пресвитером» [Malch., fr. 18, 21]. Кресчи полагает, что материал заметки «Суды» о патриархе Акакии [Malch., fr. 2b] взят из сочинения Малха, но Блокли возводит его к анонимному автору, а Болдуин — к Кандиду [см.: Baldwin, p. 100—101], стилю и содержанию текста которого он, вероятно, соответствует больше всего [см.: Wiemer, S. 38. Anm. 68].

Пассажи о Пампрепии и Прокле свидетельствуют о том, что Малх не ставит оценки своим персонажам в зависимости от их конфессии. Это составляет явный контраст с сообщением Кандида, который ставит в вину язычнику Пампрепию погибель его покровителя, ортодоксального христианина Илла.

К социальным низам столицы, которые в одном из мест «Byzantiaka» именуется «чернью», Малх относится с определенной брезгливостью представителя высших кругов. Он иронизирует над аккламациями черни в адрес *magister militum* Армата, именуемого Пирром то ли за румяное лицо, то ли за мужество [Malch., fr. 8]. С другой стороны, историк явно осуждает Василиска за страсть к деньгам, побуждавшую его обирать «самые низкие ремесла» [Malch., fr. 7]. Народ способен приходиться в ярость, как указывает Малх, описывая волнения в Фессалонике, когда граждане (*politai*), уверенные, что император Зинон и эпарх собираются сдать город готам, свергли статуи василевса, чуть не растерзали градоначальника и собирались поджечь здание городского управления (*to archaion*) [Malch., fr. 7]. В рассказе о тревоге, поднявшейся в Константинополе при приближении войск Теодориха Страбона, историк замечает, что воины-исавры подговорили «многих» сжечь город, если бы их стали оттуда выгонять, и это при том, что сам Теодорих надеялся на переход «народа» на его сторону «из ненависти к исаврам» [Malch., fr. 19]. Вместе с тем массы весьма манипулируемы. «Многие» (*polloi*) полагали, что Лев I был счастливейшим из всех правивших до него императоров, грозным и для подвластных и для варваров (Malch., fr. 2a). Во время беспорядков в Фессалонике духовенство и «важнейшие власти» уговорили разъяренных горожан прекратить бунт и взять город под охрану, «поручив его, кому хотят» и избрав «в начальники, кого считают надежным» [Malch., fr. 7].

Как уже неоднократно отмечалось в литературе, сенату как институту Малх демонстрирует искреннее уважение. То, что варвар Аморкес, будучи с почетом принят Львом I, при сем прочем присутствовал на заседаниях сената, историк считает одним из постыдных актов этого приема [Malch., fr. 1]. Соответственно, когда «Byzantiaka» упоминает ранг патрикия, то отмечается, что последний дается лишь за особые заслуги перед государством.

И потому, если награждение подобным рангом Аморкеса — это нелепость, то получение его Севером, человеком благоразумным и справедливым, вполне целесообразно для придания большего веса посольству, направляемому к королю вандалов [Malch., fr. 3] [см. о нем: Severus 8, p. 1003]. Когда римский сенат направляет Зинону посольство с просьбой дать Одоакру, фактически ставшему правителем Италии, сан патрикия, то правитель Византии указал на целесообразность получения Одоакром этого достоинства из рук Непота, все еще легитимного императора, заботившегося, «чтобы охранялось устройство, какое прилично римлянам» [Malch., fr. 10]. Когда Зинон направляет к Теодориху Амалу посланником патрикия Адамантия, то возводит его в ранг консула [Malch., fr. 18]. В ходе этого посольства Адамантий напоминает Теодориху, что император сделал его «патрикием и полководцем, а это награды, которые у римлян даются мужам, отличившимся долговременными трудами». Малх называет не только имя отца Адамантия, Вивиана, и исполняемую им ранее должность префекта Константинополя [см.: Adamantius 2, p. 6—7], но и подробно излагает логику и аргументацию этого посла, развернутую перед предводителем готов.

Нельзя не учитывать, что Малх как явно зажиточный и образованный человек, сугубо гражданского, но не военного мировоззрения, обнаруживает негативную рефлексию в отношении прежде всего двух явлений — фиска (и связанных с ним сикофантов) и варварской военщины, на которую он смотрит с недоверием и неприязнью. Мотив налогового гнета встречается в «Byzantiaka» неоднократно. При Льве I города уже не могли выносить те налоги, которые прежде платили. Этот император, по Малху, «похищал имение у подвластных», содержал для этого доносчиков и сам наряду с ними выступал обвинителем [Malch., fr. 2a]. При Зиноне благодаря расточительству императора возник острый дефицит казны, и Ерифрий, префект Константинополя, глубоко порядочный человек, предпочел уйти в отставку, но не «усиливать узаконенные налоги». Это усиление историк откровенно именуется вредом [Malch., fr. 6]. Взыскание налогов при Василиске, человеке, чрезмерно жадном до денег, «заставило всех проливать слезы» [Malch., fr. 6]. Такого рода жалобы в позднеантичном историописании не оригинальны — мотив налогового гнета очень важен в Kaiserkritik как один из методов публицистики. Сама констатация такого мотива в историографии присутствует [см.: Rubin, S. 239; Udal'cova, p. 196; Cameron, p. 16—17], но в целом он не изучен. Даже Тиннефельд не уделил ему внимания. Между тем достаточно поверхностного перечисления присутствия такого рода сюжета у наиболее известных позднеантичных авторов, чтобы убедиться в его политико-публицистической

универсальности. О налоговом бремени при Константине I пишет Зосим [Zosim., II, 38]⁹, при Валентиниане I и Валенте — Аммиан Марцеллин [Amm., XXX, 9.1; XXXI, 14.2]¹⁰ и Приск [Prisc., fr. 5, 8]¹¹, при Феодосии I — тот же Зосим [Zosim., IV, 28—29], при Анастасии — Евагрий [Euagr., III, 39—42], при Юстиниане I — Прокопий¹², Агафий¹³ и Евагрий [Proc., Hist. arc., 19—24; Agath., V, 14; Euagr., IV, 30], при Тиверии II — Иоанн Эфесский¹⁴ и Евагрий [Joh. Eph., Hist. Eccl., III, 11, 14; Euagr., V, 13], при Маврикии — Иоанн Эфесский [Joh. Eph., Hist. Eccl., V, 20].

Как критика налоговой политики предшественников Анастасия данный сюжет мог играть роль в первые годы правления этого императора для идейного обеспечения такой, например, акции, как отмена *collatio lustralis* в 498 г. [см.: Capizzi, p. 143—146; Haarer, p. 194—197]. В. В. Серов верно заметил, что это событие получило у современников различное освещение — от простого упоминания до патетического описания [см.: Серов, с. 98. 109. Прим. 60—61]. Однако как скрытую критику существующей налоговой практики этот мотив сочинения Малха можно рассматривать, пожалуй, при учете ведения при Анастасии персидской войны (502—506 гг.), когда резко повысились налоги, а про императора пошла слава, что он экономит за счет подданных. Нельзя не вспомнить при этом не только соответствующие иронические отзывы, рождавшиеся в Константинополе [см.: Ioannes Lydus, III, 46; Ioannis Malalae, p. 408; Joh. Ant., fr. 312], но и слова Баальбекского оракула, прорицавшего об императоре, который ненавидит всех нуждающихся и просящих милостыню и губит многих людей из народа [см.: Alexander, V, 168—169]. Напротив, Зинов в этом тексте, датированном временем Анастасия, выглядит как государь, который хотя и получил трон не по божьей воле, но стал по сердцу всему народу за любовь к бедным и уничтожение богатых [Ibid., V, 155—161]. Взгляды Малха на финансовую политику, однако, просты: упомянутый выше префект Ерифрий для него — образец, ибо готов уйти с должности, но не повышать подати и не делать людей нищими, хотя казна и пуста. Причиной подобного состояния казны Малх считает расточительность Зинона, раздавшего массу денег своим любимцам и не обращавшего внимание на разворовывание государственных средств (Malch., fr. 6).

Однако расточительство императора и вороватость придворных — не единственные причины нужды государства в деньгах. Малх неодно-

⁹ Использовалось издание: Zosimi.

¹⁰ Использовалось издание: Ammiani.

¹¹ Использовалось издание: Prisci, p. 71 sq.

¹² Использовалось издание: Historia.

¹³ Использовалось издание: Agathiae.

¹⁴ Использовалось издание: Ioannis Ephesini.

кратно отмечает, что едва ли посильную нагрузку для страны представляла армия. Как уже отмечалось, историк вкладывает в уста Льву I сожаление, что он не может столько платить ученым, сколько тратит на солдат. Как следует из текста «Byzantiaka», подобные траты шли на все воинские контингенты, но особенно — на федератов. Обеспечение выходившей в поле армии, по сообщениям источника, шло за счет полисов. Когда Зинон готовил армию против Теодориха Амала, «готовили обозные телеги, покупали быков, пшеница и все потребные для войска припасы были заготовлены» [Malch., fr. 14]. Магистр войск Севастиан после победы над готами Теодориха Амала объявляет жителям окрестных городов, чтобы они не беспокоились о поставках телег для войска, ибо их и так хватает [Malch., fr. 18]. Малх убежден, что требования федератов всякий раз, когда они предъявлялись, были чрезмерными. Высказаться по данному поводу историк предоставляет сенату: содержание только регулярных войск стоит больше денег, нежели есть в распоряжении, а тут еще надо финансировать две армии федератов; более одной такой армии содержать невозможно [Malch., fr. 11]. Малх приводит цифры содержания федератских войск: по одному из договоров с Теодорихом Страбоном его готы получили 2 000 фунтов золота ежегодно [Malch., fr. 2], по договору с Теодорихом Амалом Зинон обязался выплатить за победу над Страбоном 1 000 фунтов золота, 40 000 фунтов серебра и ежегодную ренту в 10 000 золотых монет [Malch., fr. 16].

Солдаты, по мнению Малха, не только дороги, но и опасны; следует считаться с возможностями бесчинств и бунтов с их стороны. Он рассказывает, как в Аркадиополе какой-то гот-федерат спровоцировал на ссору военачальника Ираклия, а когда гота спросили, знает ли он, кого ударил, тот нагло ответил утвердительно и, не раздумывая, после чего один гот отсек Ираклию голову, а другой — руки. Малх явно придерживается концепции о готах как источнике насилия; взгляд Иоанна Антиохийского на случай Ираклием иной — он полагает причиной гибели полководца покушение на Теодориха Страбона [см. об этих версиях: Heraclius 4, p. 541—542]. В рассказе о полезной для государства деятельности упомянутого ранее Адамантия «Byzantiaka» упоминает случай, когда какие-то воины с мечами накинулись на выходившего из дома префекта претория Иллирика Иоанна; Адамантию каким-то образом удалось уладить это дело [Malch., fr. 18].

Малх невысокого мнения и о воинах регулярной армии. Зинону пришлось взывать к мужеству воинов, чтобы выступить против готов. Оказывается, до этого среди солдат были и такие, которые платили деньги, дабы их не брали в поход. Потом те же воины, собираясь в отдельные

кружки, упрекали друг друга в малодушии [Malch., fr. 16]. В другом случае Зинон оказывается вынужденным идти на переговоры, т. к. никто не хочет сражаться с готами [Malch., fr. 18]. Гарнизон Эпидамна сдает город без боя только из-за слуха, что вблизи находится мощная армия готов [Ibid.]. Стража одной из крепостей просто устремляется в бегство, увидев нападающих готов, вместо того, чтобы драться или хотя бы закрыть ворота [Ibid.].

По характеру изображения недостатков Льва I и Зинона как правителей, по указаниям на качества, которых им не хватает, можно пытаться понять идеал императора, каким его представляет Малх. Благой правитель, безусловно, взимает немного налогов. Он награждает по заслугам и благоволит тем, кто этого достоин¹⁵, допускает таких людей к части своих богатств и дистанцируется от ложных обвинений в адрес своих подданных. Такой император тщательно подбирает себе друзей и советников и ведет размеренный и экономный образ жизни. В какой-то момент он может разгневаться, но никогда не даст воли этому гневу [ср.: Malch., fr. 9]. Наряду с умеренностью, классическим античным позитивным свойством, положительными обязательными качествами правителя должны быть честность, сочувствие к ближнему и мягкость [ср.: Malch., fr. 9, 10, 11]. Император должен осознавать достоинство своего положения и следить за тем, чтобы внушать трепет, особенно, естественно, варварам [ср.: Malch., fr. 1, 2a]. Он должен быть храбр, но не безрассуден, и прежде всего должен сам командовать армией¹⁶. От присутствия императора во главе армии Малх готов ожидать прямо-таки чуда: когда Зинон как-то объявил солдатам, что лично поведет войско на врага, то последовал небывалый взлет боевого духа, который, впрочем, враз упал до нуля, когда император, поддавшись врожденной робости, переменял свое решение [Malch., fr. 16]. Поскольку, однако, уже целый век ни один император не выводил лично войско в поле, то ожидание подобного поступка Малхом вряд ли можно трактовать как один из приемов косвенной критики в адрес Анастасия I [см.: Wiemer, S. 43].

С учетом такого рода критериев Лев I и Зинон выглядят в «*Vyzantíaka*» отрицательными примерами правителей. Действительно, историк не скрывает неприязненного отношения к Льву. Этот император для него —

¹⁵ Пример Севера и Ерифрия и альтернатива тому, какими почестями встретил Лев I варвара Аморкеса.

¹⁶ См. о безрассудстве магистра войск Ираклия: Malch., fr. 5. Василиск, по мнению Малха, был счастлив в сражениях, но большим тугодумом [Malch., fr. 7]. С точки зрения римского сената, Одоакр, благодаря государственному уму и воинственности, был способен охранять государство [Malch., fr. 10].

«гнездилище всех пороков», прежде всего — воплощение жестокости и алчности. Он не стесняется наградить его прозвищем «Мясник» — за убийство Аспара и Ардабура [Malch., fr. 1]. Лев необуздан в своем гнев [Malch., fr. 2b, 9] и не стесняется использовать ложные наветы, чтобы присвоить имущество подданных [Malch., fr. 2a, 9]. Он незаслуженно пользуется славой любимца фортуны и внушителя благоговейного страха всем своим подданным и, конечно, варварам [Malch., fr. 2a]. В действительности Лев неумен и понятия не имеет о достоинстве василевса. Он поступает «самым безрассудным образом», решив сделать варвара Аморкеса филархом, позволив ему проехать по византийским провинциям и увидеть, «что жители их были совершенно преданы неге, а оружия вовсе не употребляли». Император позволяет этому варвару присутствовать в сенате, делает его постыдным образом патрикием, осыпает подарками и приказывает то же самое делать сенаторам [Malch., fr. 1]. То, что Лев умер мучительной смертью, безусловно, заслуженная кара за его грехи [Malch., fr. 2, 2d].

Суждения Малха о Зиноне не так прямолинейны. Этот император менее жесток и не столь неумолим в своем гнев. В отличие от суждения Евстрафия, у Малха интриганом является не Зинон, а его теща Верина, которая плетет заговоры против него и магистра войск Илла [Malch., fr. 2]. Историк признает честолюбие Зинона, но оговаривает, что «дивились» этому императору «больше напоказ, чем для пользы». К тому же он не был так корыстолюбив, как Лев, и «не выдумывал на богачей небывалых преступлении», хотя и «не был выше этой страсти» [Malch., fr. 9]. Конечно, у этого правителя есть и существенные недостатки. Так, он невоинственен [Malch., fr. 3] и совершенно не разбирается в государственных делах [Malch., fr. 9]. То, что Зинон приказал казнить не только узурпатора Василиска, но и его супругу вместе с сыном, преполняет Малха неудовольствием, ибо это противоречит представлению историка о мягкости и великодушии [Phot., Cod. 78]¹⁷. Тем не менее, по Малху, подданные при Зиноне «имели бы хорошее правление, если бы Севастиан, который разделял его власть, не управлял им, как вздумается» [Malch., fr. 9]. Следовательно, для автора «Byzantiaka» Зинон являлся правителем с неплохими задатками, но все же слишком зависимым от своего окружения и своих любимцев. Именно поэтому он ответственен за тот негатив, который имел место в его царствование или осуществлялся от его имени.

¹⁷ Если Малх пишет, что Василиск был наказан мечом, то, по Кандиду, он вместе с домашними укрылся в церкви, был оттуда выманен, сослан в Каппадакию и только там казнен [см.: Brandes, 1993. S. 432—435].

Таким образом Филадельфиец следует давно проверенной в античном историописании методике, которая позволяет критически оценивать правление императора, но нисколько не сомневаться в его легитимности. Вимер полагает, что подобная изобразительная схема в целом соответствует и схеме, разделяемой императорским двором времен Анастасия. Верина была тогда уже мертва, и придворные Зинова превращались в козлов отпущения, как только власть переходила к новым группировкам [см.: Wiemer, S. 44]. Даже критика Епиника, который был префектом при Василиске, но продолжил карьеру при возвращении к власти Зинова [Malch., fr. 7b], не представляла Малху никаких неудобств, т. к. в 480 г. этот сановник был казнен как заговорщик [Joh. Ant., fr. 303]. В подобной обстановке Малх мог безбоязненно утверждать, что высшие чиновники и вельможи разворовали государственную казну и тем самым навредили потенциальному преемнику Зинова. Если должности при Зинове продавались за крупные суммы и без внимания к деловым качествам плативших [Malch., fr. 9], то виноват в этом во многом оказывался префект претория Севастиан. Как личность, занимающая такую высокую должность, Севастиан засвидетельствован многими адресованными на его имя законами 476—480 и 484 г. [см.: Sevastianus 5, p. 484—485]. Возможно, именно благодаря его усилиям префект Египта, например, ежегодно присылал за обладание своей должностью 500 фунтов золота [Malch., fr. 12]. Наиболее жестко Малх относится к Лонгину, брату Зинова, отправленному Анастасием в ссылку. Лонгин выглядит в «*Vuzantiaka*» как развратник и мот, который записывает закладные на чужую собственность и за деньги оказывает помощь преступникам; он яхшается со сводниками и не чурается того, чтобы мягко принудить монахинь к нарушению обета целомудрия [Malch., fr. 21].

Представление о Зинове прежде всего как о слабом и непоследовательном правителе определяет и изображение Малхом отношений между императором и готскими военными группировками на Балканах. Для автора «*Vuzantiaka*» лавирование василевса между двумя Теодорихами — опасная ошибка, которая привела к тому, что оба готских предводителя чуть не объединились против империи. То, что такой трагедии не произошло, не заслуга Зинова, а результат острейшего соперничества между обоими группами варваров. Малх неоднократно подчеркивает, что тот и другой вождь очень зависели от воли своих свит, и даже от воли массы готов в целом¹⁸. Однако качества Теодорихов отнюдь не напоминают

¹⁸ Особенно выразительны в данном отношении описания переговоров между Теодорихом Амалом и Адамантием, и особенно аргументация Теодориха, постоянно апеллировавшего к положению и воле своего народа [Malch., fr. 18].

в труде Малха какую-то схему. Историк неоднократно указывает, что Теодорих Амал в значительной степени был настроен на интеграцию в Римскую империю — в отличие от Теодориха, сына Триария. Самое известное на этот счет свидетельство — выражение Амалом желания жить в Константинополе как римлянин. В констатации такого факта Малх опять-таки не демонстрирует своей оппозиционности ни к Теодориху, ни к правлению Анастасия, ибо к моменту написания таких строк Теодорих Страбон был уже давно мертв, а его соперник успешно правил в Италии. В этом плане Малх также резко отличается от Евстафия и Захария Ритора, которые видят в Теодорихе Амале прежде всего жестокого варвара и даже тирана. К этому следует добавить, что когда при преемнике Анастасия, Юстине I, в византийской верхушке начали задумываться, как покончить с господством Амалов на Апеннинском полуострове, то под пером хрониста Марцеллина Комита Теодорих вновь предстал как жестокий и ненасытный варвар, который опустошил многие районы Греции до того, как увел своих людей в Италию, где, совершив клятвopеcтупление, заманил в свои руки Одоакра и убил его [см.: Goltz, S. 48—49]. Малх, напротив, скорее того мнения, что империя избежала многих неприятностей в результате какой-никакой кооперации между политикой императора Зинона и планами Теодориха.

К сожалению, дошедшие отрывки и парафразы из «Byzantiaka» не позволяют ответить на вопрос, полагал ли Малх (точно так же как Евстафий, Иешу Стилит и Захарий Ритор), что правление Зинона идентично засилию исавров при дворе, а значит, и в империи. Не каждый, кто обладал властью и влиянием, был для Малха негодяем. Как уже говорилось, сенаторы Север и Адамантий, бывшие в распоряжении Зинона, характеризуются историком весьма положительно. Можно, однако, с уверенностью сказать, что Малх приветствовал бы изгнание исавров из столицы в начале правления Анастасия, ибо их поведение, готовность сжечь Константинополь (при походе к городу войска готов) описаны в одном из отрывков крайне отрицательно [Malch., fr.19].

Что касается мастерства Малха как историописателя, то следует прежде всего указать на мнение Вимера, что «Byzantiaka» создана по основным канонам классической греческой историографии [см.: Wiemer, S. 56]. В самом деле, историк использует для разъяснения и реконструкции исторических событий весь инструментарий, который применялся в историописании поздней античности, и прежде всего фокализацию, мимесис, прямую и косвенную речь. Приемы, с помощью которых интерпретируется происходящее, также вытекают из традиции светской грекоязычной литературы того времени. Происходящее в сочинении Малха всегда

является результатом определенных имманентных причин, как правило, вытекающих из качеств характера, которые приписываются действующим лицам описываемой исторической драмы, а также из рационального расчета, определяемого властными интересами и шансами на успех героев повествования. При этом в сочинении явно преобладают детерминанты, связанные с конкретными персонами. Только когда речь идет о готах, в тексте видны структурные детерминанты, сопровождаемые такой причинностью как, например, индивидуальные действия Теодориха Страбона или Теодориха Амала.

На трансцендентные причины событий Малх обращает внимание реже, притом бегло. Скорее всего, убеждением, что Лев I заслужил мучительную смерть, объясняется то, что Малх тщательно ее описывает [Malch., fr. 2d].

Сын, которого Зинон хотел видеть своим наследником, был наказан божеством за распутный образ жизни тяжелой болезнью и преждевременной смертью [Malch., fr. 9]. Смерть магистра войск Ираклия объясняется как гневом Божиим за казнь нескольких осужденных воинов, так и мстью со стороны солдат за этот проступок [Malch., fr. 4]. Но если речь идет об интерпретации серьезных политических поворотов или взаимосвязи крупных явлений, то подобное косвенное воздействие Господа на исторические события, имеющее мировоззренческое и конститутивное значение для христианских хронистов¹⁹, для проблемы детерминизма в том виде, как ее понимает Малх, роли практически не играет.

Нельзя не учитывать и того, что Малх никак не отражает тех эсхатологических страхов, которые терзали многих его современников и, в частности, подвигли на острую полемику автора сирийской хроники, приписываемой Иешу Стилиту [Brandes, 1997, S. 24—63]. Приверженность к классическим формам историописания означала отказ от популярных у христианских хронистов сюжетов и пассажей, связанных с мотивом конца света, а значит, и с концом истории. Подобное отсутствие апокалиптических интерпретаций истории отнюдь не означает уклонения от христианского мировоззрения, а предполагает лишь дистанцию по отношению к теологической причинно-следственной схеме универсального воздаяния за содеянное, а потому свидетельствует о стойкости профанной концепции повествовательного жанра у историка, творившего на рубеже V—VI вв. Малх, скорее всего, не разделял и глубокого пессимизма своего современника, языческого историка Зосима, полагавшего, что забвение римлянами своих былых богов есть причина деградации империи

¹⁹ О подобной дуальной рациональности в историческом мышлении Иешу Стилита см.: Luther, S. 245—255.

в настоящем²⁰. Но он также вряд ли думал, что начало правления Анастасия означает наступление нового золотого века. Правда, М. Мейер, считающий, что Зосим отнюдь не бездумный компилятор, а весьма оригинальный толкователь римской истории, на основании fr. 16 «Byzantiaka» сделал неверное предположение, что Малх рассматривает Западную империю как павшую, а потому его труд, как и «Новая история» Зосима, является свидетельством кризисного мировоззрения языческого интеллектуала начала VI в. [см.: Meier, S. 71]. Конечно, Малх вкладывает в уста солдат Зинона горькие слова о том, «что, имея руки и держа оружие, они терпят такую слабость, которая виной гибели городов и всей силы римской, виной того, что всякий неприятель отнимал беспрепятственно у римлян, что хотел» [Malch., fr. 16]. Но такого рода взгляд на обстановку явно имел ретроспективное содержание и соответствовал воззрению на ситуацию при Зиноне, — воззрению, бытовавшему при Анастасии. Какой-либо оппозиционности своему времени, актуальной разочарованности и отчаянья здесь нет.

Профанной природой обладают у Малха и те лекала, которыми он мерил поведение и политику императоров. Как и у других позднеантичных сториописателей, его суждение на данный свет зависело от того, уважает ли правитель жизнь и собственность своих подданных. Признаками положительного правления для автора «Byzantiaka» были низкие налоги и безопасность границ. Ибо щадящее отношение императора к подданным, кроме всего прочего, обратной своей стороной имеет страх, который внушает варварам правитель, сам становящийся во главе войска.

Что касается мотива веры, то он в дошедших до нас текстах из сочинения Малха явно не занимает существенного места, и церковные дела, скорее всего, играли в ткани его повествования весьма незначительную роль. В этом отношении Малх отличается не только от Захария Ритора, который как автор церковной истории сосредоточил внимание на религиозной политике императоров, но и от Кандида, описывавшего и толковавшего имперскую историю как последовательный сторонник Халкидонского собора. Также Малх весьма далек от синтеза профанной и церковной истории, который наблюдается в трудах Феофилакта Симокатты и Евагрия.

То, что «Byzantiaka» с крайним недоверием и отчужденностью относится к варварам и их предводителям, абсолютно соответствует воззрениям Малха как представителя образованной светской элиты. Что касается исаврийского вопроса, Малх также не выступает оппозиционером прави-

²⁰ Об этой стороне мировоззрения Зосима см.: Petre, p. 263—272; Kaegi, p. 99—145; Pashoud, p. LXIII—LXVI.

тельству Анастасия, ибо, видя в исаврах опасность для Константинополя, по сути соглашается с необходимостью удалить их из столицы. Если же говорить об отношении историка к армии, то хотя в солдатах он и видит потенциальную угрозу, но на первое место при характеристике войска он ставит крайнюю его обременительность для казны. Неприемлемо для историка и наличие конкуренции двух видов современной ему армии, войска регулярного и войска федератов, которые, в свою очередь, вступают в конфронтацию с повышенными требованиями со стороны императора. Малх многое ставит в вину правительству Зинона: внутри государства — расточительность, тяжкое налоговое бремя и распродажу за непомерные цены должностей неприемлемым людям, вовне — недостаток мужества и силы. Подобные упреки, скорее всего, отражали основные направления псогоса, который завершил свое формирование при Анастасии и служил для характеристики правления его предшественника. Видимо, составляющие этой обвинительной схемы были в ходу и ранее; во всяком случае, даже составитель жития Даниила Стилита, видевший в Зиноне почитателя этого святого подвижника и защитника ортодоксии, предостерег императора незадолго до его смерти от похоти алчности и несправедливых обвинений в адрес подданных и призвал его к прощению врагов своих [см.: Sancti, p. 91; ср.: Kaplan, p. 199—217; ср.: Brandes, 1993b S. 417—421; Fox, p. 175—225].

Еще раз следует уточнить — при всей критичности Малха к Зинону (в противоположность к критике Льва I) этот император в «Byzantiaka» отнюдь не предстает скверным человеком, несмотря на всю свою робость и недалекость. За отрицательные стороны правления Зинона скорее ответственны его друзья и коррумпированные сановники. Подобный подход довольно сильно отличается от подхода Евстафия, отмечавшего жестокость и бесчестность императора.

Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.; Л., 1964.

Серов В. В. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, 2000.

Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974.

Чичуров И. С. Рец. на кн.: F. H. Tinnfeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971 // Византийский временник. 1973. Т. 35.

Adamantius 2 // Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. II. A. D. 395—527.

Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / Rec. R. Keydell (Corpus Fontium Historiae Byzantinae). В., 1967.

Alexander P. J. The Orakle of Baalbek : The Tiburtine Sibyl in Greek Dress (Dumbarton Oaks Studies, X). Washington D. C., 1967.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum liberi, qui supersunt / Rec. C. U. Clark. Berolini, 1910—1915. Vol. I—II.

Baldwin B. Malchus of Philadelphia // *Dumbarton Oaks Papers*, 1977. Vol. 31.

Bibliothèque de Photius / Ed. R. Henry. Paris, 1960. T. II.

Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Late Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool, 1981. T. 1.

Brandes W. Anastasios 'o δίκωρος. Endzeiterwartung und Kaiserkritik in Byzanz um 500 n. Chr. // *Byzantinische Zeitschrift*, 1997. Bd. 90.

Brandes W. Familienbande? Odoacer, Basiliskos und Armatos // *Klio*, 1993. Bd. 35.

Burgess R. W. The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic // *Byzantinische Zeitschrift*, 1993—1994. Bd. 86/87.

Büttner-Wobst Th. Die Anlage der historischen Enzyklopedie des Konstantinos Porphyrogenetos // *Byzantinische Zeitschrift*, 1906. Bd. 15.

Cameron Av. Early Byzantine Kaiserkritik: Two Case Histories // *Byzantine and Modern Greek Studies*, 1977. Vol. 3.

Candidi fragmenta // Historici graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. T. I.

Capizzi C. L' imperatore Anastasio I (491—518). Studio sulla sua vita, la sua opera e la sua personalità (Orientalia Christiana Analecta, 184). Roma, 1969.

Cresci L. R. Malco di Filadelfia. Fragmenti. Testo critico, introduzione, traduzione e commentario (Byzantino et Neo-Hellenica Neapolitana, 9). Neapel, 1982

Croke B. The Date of the “Anastasia Long Wall” in Thrace // *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1982. 23.

de Boor C. Suidas und die konstantinische Exzerptsammlung // *Byzantinische Zeitschrift*, 1912. Bd. 21; 1914. Bd. 23.

Eustathii Epiphaniensis fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Müller. Parisiis, 1851. Vol. IV.

Fox L. The Life of Daniel // *Portraits. Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire.* Oxford, 1997.

Georgius Cedrinus Ioannis Scylitze ope / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838. T. I.

Goltz A. Marcellinus Comes und das “Ende” des Weströmischen Reiches // *Electrum*, 2007. 13.

Haarer F. Anastasius I. Politics and Empire in the Late Roman World. Leeds, 2006.

Heraclius 4 // Martindale J. R. Ob. cit.

Historia arcana // Procopii Caesariensis Opera Omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1963. Vol. 3.

Ioannes Lydus. De magistratibus populi Romani libri tres / Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903.

Ioannis Antiocheni Fragmenta ex Historia chronica / Introduzione, edizione critica e traduzione a cura di U. Roberto (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, 154). B.; N.-Y., 2005.

Ioannis Ephesini Historia ecclesiastica pars tertia / Ed. E. W. Brooks (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Syri. Ser. 3. T. 3). Parisiis; Lovanii. 1935—1936.

Ioannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

Ioannis Zonarae Epitome historiarum / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. T. III.

Kaegi W. E. Zosimus and the Climax of Pagan Historical Apologetics // Idem. *Byzantium and the Decline of Rome*. Princeton, 1968.

Kaplan M. L'espace et le sacré dans la Vie de Daniel le Stylite // Le sacré et son inscription dans l'espace à Byzance et en Occident. Études comparées / Éd. par M. Kaplan (Byzantina Sorbonensia, 18). Paris, 2001.

Kaster R. A. Guardians of Language. The Grammarian and Society in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage, 11). Berkeley, Los Angeles, London, 1988.

Laqueur R. Malchos 2 // Pauly—Wissowa—Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft, 1928. Bd. XIV.

Luther A. Die syrische Chronik des Josua Stylites (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte, 49). B.; N.-Y., 1997.

Mango C., Vickers M., Francis E. D. The Palace of Lausus at Constantinople and Its Collection of Ancient Statues // J. of the History of Collections, 1992, 4 (1).

Martin K. Theoderich der Große bis zur Eroberung Italiens. Diss., Freiburg, 1888.

Meier M. Das andere Zeitalter Justinians. Kontingenzerfahrung und Kontingenzenbewältigung im 6. Jahrhundert n. Chr. (Hypomnemata. Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte, 147). Göttingen, 2003.

Mommsen Th. Neue Bruchstücke des Ioannes von Antiochia und des Ioannes Malalas // Hermes, 1872, 6.

Paret R. Note sur un passage de Malalas concernant les phylarques arabes // Arabica, 1958. T. V. F. 3.

Pashoud F. Introduction // Zosime. Histoire nouvelle Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971. Tome I (livres I—II).

Petre Z. La pensée historique de Zosime // Studii clasice, 1965. T. 7, 1.

Prisci Panitae fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Müller. Parisiis, 1851. Vol. IV.

Roberto U. Sulla tradizione storiografica di Candido Isauro // Mediterraneo antico, 2000, 3.

Rubin B. Das Zeitalter Justinians. Berlin-West, 1960. Bd. 1.

Sancti Danielis Stylitae Vita Antiquior // Les Saints stylites. Volume 14 of Subsidia Hagiographica. Author, Hippolyte Delehaye. Publisher, Société des Bollandistes, 1923.

Schreiner P. Die Historikerhandschrift Vaticanus Graecus 977: ein Handexemplar zur Vorbereitung des Konstantinischen Exzerptenwerkes? // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 1987. Bd. 37.

Sebastianus 5 // Martindale J. R. Ob. cit.

Severus 8 // Martindale J. R. Ob. cit.

Shahîd I. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century. Washington, DC. 1989.

The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898.

Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1.

Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.

Udal'cova Z. V. Le monde vu par les historiens byzantins du IVe au VIIe siècle, in : Byzantinoslavica, 1972. T. 33.

Whitby L. M. The Long Walls of Constantinople // Byzantion, 1985. 55.

Wiemer H.-U. Kaiserkritik und Gotenbild im Geschichtswerk des Malchos von Philadelphia // Jenseits der Grenzen. Beiträge zur spätantiken und frühmittelalterlichen Geschichtsschreibung (Millenium Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. Bd. 25). B.- N.-Y, 2009.

Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelsohn. Lipsiae, 1887.

УДК 34"17"(470)+373.3(09) **А. М. Сафронова, О. С. Кравченко**

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ О ГАРНИЗОННЫХ ШКОЛАХ РОССИИ XVIII в.

В статье анализируются законодательные и нормативные акты, регламентировавшие организацию гарнизонных школ, самого крупного вида учебных заведений России в XVIII в. Раскрываются изменения программ, числа учеников их материального обеспечения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : законодательство; Полное собрание законов Российской империи; гарнизонные школы; солдатские дети; финансирование школ.

Характерной особенностью учебных заведений России XVIII в. стал их ведомственный и сословный характер. Каждое крупное ведомство в условиях острой нехватки грамотных людей и специалистов различного профиля открывало школы и готовило для себя необходимые кадры. Создание Петром I в первой четверти XVIII в. регулярной армии потребовало изменений в подготовке ее состава, начиная с офицерских кадров, кончая рядовыми солдатами. Поэтому неслучайным стало появление в эти годы гарнизонных школ, предназначавшихся для детей солдат и находившихся в ведении Военной коллегии.